

- Markova N. E.** Cultural intervention. – Moscow : Square-C, 2001. – 90 p.
- Nalivayko A. V., Parshikov V. I.** Spiritual values of education and axiological foundations of the formation of the youth patriotism. – Professional education in the modern world. – 2011. – No. 3. – Pp. 93–98.
- National** noosphere manifesto for the Russia of the XXI century: conceptual bases and the implementation strategy: preprint – Ed. by S. I. Grigoryev. – Moscow : Russian State Social University, 2010. – 82 p.
- Stepin V. S.** Philosophy of Science. General problems. – Moscow : Gardariki, 2006. – 384 p.
- Stepin V. S.** Classics, non-classics, post-non-classics: the criteria of distinguishing. – Post-non-classics: philosophy, science, and culture. – St. Petersburg, 2009. – Pp. 249–295.
- Tokareva D.** Hussies with fake iPhones. – Komsomolskaya Pravda. – 2011. – No. 182. – Pp. 13–15.

Принята редакцией: 03.10.2014.

УДК 316.31.4

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПОДХОД В ИССЛЕДОВАНИИ ЭТНОСОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ*

Е. А. Ерохина (Новосибирск)

Статья посвящена методологии социокультурного подхода в исследовании исторической динамики. Анализируется опыт применения данного подхода к исследованию социокультурной динамики России. В опоре на современные версии теории модернизации делается допущение возможности провести разграничение между модернизацией и вестернизацией. Это открывает перспективу выделения в рамках одного исторического периода двух или более циклов, каждый из которых связан либо с вестернизационной, либо с контрвестернизационной доминантой модернизации, либо имеет значение, переходное от одной к другой доминанте.

Механизмы устойчивого воспроизводства вестернизационной и контрвестернизационной ориентаций в процессе государственного регулирования межэтнических отношений ярко проявились, например, в чередовании мононациональной (первая четверть XVIII в., вторая половина XIX в., 30–40-е гг. XX в.) и мультинациональных моделей управления этносоциальными процессами (конец XVIII – начало XIX вв., первая треть XX в., 50–80-е гг. XX в.). В статье вестернизационный тренд государственного регулирования свя-

*Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант № 03-13-00417 «Этносоциальные процессы и этнонациональная политика в регионах Сибири».

© Ерохина Е. А., 2014

Ерохина Елена Анатольевна – кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник сектора этносоциальных исследований, Институт философии и права.

E-mail: leroh@mail.ru

Erokhina Elena Anatol'evna – Candidate of Philosophical Sciences, Docent, Senior Researcher, Institute of Philosophy and Law of SB RAS.

зывается с проведением линии на унификацию (русификацию) в национальной политике, а контрвестернизационный – на интеграцию без культурной гомогенизации. В рамках же одного цикла устойчиво воспроизводятся маятниковые колебания роста и затухания активности недоминантных и доминирующего этнических сообществ, умножения и стабилизации этнического многообразия, усиления неравенства и выравнивания состязательных возможностей этносов.

Выделяется три методологических принципа, которые отличают социокультурный подход от других при его использовании в этносоциальных исследованиях: интеграция трех измерений человеческого бытия, выявление устойчивых и изменчивых форм социокультурной динамики, установка на исследование всех сфер этнического.

Ключевые слова: социокультурная динамика, Россия, социокультурный подход, этносоциальные процессы.

SOCIOCULTURAL APPROACH IN THE STUDY OF ETHNOSOCIAL PROCESSES

E. A. Erokhina (Novosibirsk)

The article is devoted to the methodology of socio-cultural approach in the study of historical dynamics. We analyze the experience in the application of this approach to the research of socio-cultural dynamics of Russia. With reliance on modern versions of modernization theory we assume the possibility of making a distinction between modernization and westernization. This opens up a perspective of distinguishing, within the same historical period, of two or more cycles, each of which is associated with either westernization, or counter-westernization dominant idea of modernization, either has the significance which is transitional from one to the other dominant idea.

The mechanisms of sustainable reproduction of westernization and counter-westernization orientations in the process of government regulation of interethnic relations were brightly manifested, for example, in the alternation of mono-national (first quarter of the XVIII century, second half of the XIX century, 30–40s of the XX century) and multi-national (from end of the XVIII century to early XIX century, the first third of the XX century, 50–80s of the XX century) models of management of ethno-social processes. In this article the westernization trend of the government regulation is associated with carrying out a unification process (Russification) in the national politics, whereas the counter-westernization trend is associated with integration without homogenization. As a part of a single cycle, there are stably reproduced the pendulum oscillations of growth and decrease of activity of non-dominant and dominant ethnic communities, increase and stabilization of ethnic diversity, increase of inequity and levelling of competitiveness of ethnic groups.

Three methodological principles are highlighted, which distinguish this approach from others when it is used in ethno-social studies: integration of three

dimensions of human existence, revealing of persistent and changeable forms of socio-cultural dynamics, the orientation to the study of all forms of ethnicity.

Keywords: *sociocultural dynamics, Russia, sociocultural approach, ethnosocial processes.*

Для современного мира, составной частью которого является Россия, проблема этносоциального развития является актуальной в теоретическом и практическом отношениях. Несмотря на унифицирующее воздействие глобализации, преодолевающей национальные барьеры, стирающей культурные различия, усиливающей взаимозависимость стран, народов и цивилизаций, этнические различия не исчезают. Напротив, с развитием глобализации этническое многообразие усиливается, что порождает культурную дифференциацию и социальную фрагментацию. На эти проблемы накладывается специфика российского общества, одна часть которого ориентирована на воспроизводство архаических социальных практик, другая – современных, а третья – постсовременных отношений.

Противоречивость и неоднозначность социокультурной трансформации российского общества требуют сложной методологии исследования. В последнее время в качестве методологии, плодотворной в эвристическом плане, все более активно выступает социокультурный поход [1, с. 6–13]. Он позволил найти адекватное объяснение парадоксам модернизации западных обществ, которые оставались без объяснения в теории модернизации на первоначальных этапах ее развития. В числе таких парадоксов, например, сосуществование типологически разнородных и хронологически одновременных взаимосвязанных сегментов внутри одного общества, архаический ответ на модернизационные преобразования, разнонаправленность социальных и культурных изменений по мере перехода к современности. Эти парадоксы обнаружили себя и при исследовании социокультурной динамики этнического развития народов России, влияющей на характер межэтнических отношений. Чем более интенсивный характер носило внедрение западных моделей в процесс модернизации, тем более архаичным был ответ общества. Ярким примером, иллюстрирующим увеличение социальной дистанции между русскими и нерусскими народами Российской империи по мере проникновения вестернизационных моделей управления, можно считать смену официальной лексики. Как справедливо указывала А. А. Люцидарская, «иноземцы», как именовались в официальных документах второй половины XVI – первой половины XVII в. аборигенные народы Сибири, превратились к XIX в. в «инородцев», сословие, неполноценное в правовом отношении [2, с. 165–169]. Смена лексики отражает усиление европоцентристских тенденций под влиянием внедрения национальной модели государственного регулирования межэтнических отношений.

Западная модель управления этносоциальными и этнокультурными процессами не привела к равенству между подданными империи. Скорее, напротив, она породила представление об иерархии культур, обосновывающее неравенство между доминирующими и недоминантными этническими группами внутри конкретного общества, и стала аргументом недостаточной «просвещенности» миноритарных сообществ. При этом разрыв в образе жизни между «верхами» и «низами» доминирующего большинства по мере европеизации общественной жизни России не сокращался, а, напротив, увеличивался вплоть до момента отмены крепостного права.

Необходимость в объяснении подобных парадоксов назрела в середине XX в. Методологическое ограничение, вызванное узким пониманием развития как прогресса, поставило существующие на тот момент социальные теории перед кризисом. Вместо понятия прогресса российско-американским социологом П. А. Сорокиным было предложено понятие социокультурной динамики, которое учитывало влияние на процессы социокультурных трансформаций не только экономики, но и культуры. Динамика понималась им как волнообразный процесс внутренних изменений социокультурной системы общества в единстве ее упрощения и усложнения, интеграции и фрагментации ее подсистем. Сорокин заложил новую исследовательскую традицию, базовые элементы которой стали воспроизводиться и в других социокультурных теориях. Для начала стоит отметить методологическую установку на выделение не одной, а сразу трех единиц анализа, каждая из которых коррелирует с определенной сферой социокультурной динамики. Сам Сорокин выделял следующие единицы анализа: во-первых, личность как активный действующий субъект, способный к рефлексии, во-вторых, систему социальных взаимодействий, порождающих социокультурные отношения и процессы, в-третьих, совокупность ценностей, норм и значений, которыми обладают носители социальных взаимодействий [3, с. 218].

Другим, не менее значимым научным вкладом социокультурной теории П. А. Сорокина можно считать принцип цикличности исторического развития. Сорокин предложил собственную трехфазную модель ритма суперсистемы культуры. Хотя его модель динамических циклов не получила широкого распространения среди историков и социологов, сам подход, нацеленный на единство интерпретации воспроизводимых и невозможных элементов исторического развития, можно считать характерной чертой всех теорий социокультурной динамики.

Наиболее последовательно методологические традиции социокультурного подхода воспроизводятся в работах А. С. Ахиезера. В качестве ключевых для понимания социокультурной динамики России категорий Ахиезер выделяет понятия инверсии и медиации. Инверсия представля-

ет собой циклический механизм воспроизводства привычных форм социальной жизни. «Для инверсии характерна напряженная направленность деятельности на воспроизводство определенного типа общества» [4, с. 5]. Логика медиации, напротив, характеризуется человеческой деятельностью, направленной на преодоление исходной ограниченности, выход на качественно новый виток [4, с. 5]. Важно отметить, что в работах А. С. Ахиезера социокультурная динамика рассматривалась в контексте проблемы модернизации России как незападного общества.

В этой связи определенный интерес вызывают работы исследователей, выполненные в научной традиции теории модернизации. Теории модернизации не удалось в полной мере избежать искушения универсализма как методологии и социальной идеологии, высшей ценностью которой в течение двух столетий оставался социальный прогресс. Для преодоления кризиса пришлось пожертвовать единством социальных теорий. Наметившийся раскол проходил по линии оценки его достижений: одна сторона настаивала на обратимости прогресса, тогда как другая отрицала такую возможность. Одно из альтернативных течений получило название постмодернизма.

Постмодернисты отрицают идею развития, сосредоточившись на деконструкции как идеологии, так и методологии универсализма. Их оппоненты сохраняют верность базовым идеям теории модернизации, однако подвергают обновлению ее ядро. Новыми моментами стали, во-первых, преодоление экономоцентризма в рассмотрении динамических процессов, во-вторых, признание множества путей перехода к современности.

Отказавшись от отождествления Запада с современностью, теория модернизации преодолела неклассический (в формулировке В. С. Стёпина) уровень рациональности. Постнеклассическая рациональность, расширяя поле рефлексии субъекта над деятельностью, ориентирует на соотнесенность его знания об объекте со способом, которыми были получены эти знания [5, с. 633–634]. Существенной характеристикой постнеклассического этапа развития теории модернизации остается ориентация на поиск внутренних оснований социокультурного развития конкретных обществ. Определяющим моментом, позволяющим охарактеризовать Россию как незападное общество с точки зрения внутренних оснований ее развития, является специфика модернизации.

Как полагает Ч. К. Ламажаа, суть кардинальных социальных изменений, которые сопровождают модернизацию, проясняют понятия «традиционное общество» и «современность». Дихотомия традиционного и современного обществ предполагает противопоставление цикличности и линейности в развитии, мифа (религии) и науки в познании мира, коллективистский и индивидуалистский характер общества, доиндустриальный и индустриальный характер производства, отсутствие и нали-

чие массового образования. Движение от традиционного общества к обществу современного типа, как отмечает Ламажаа, представляет собой переход в свою противоположность. При этом она акцентирует внимание на том обстоятельстве, что в новейших исследованиях П. Штомпки, Ш. Айзенштадта, В. Г. Федотовой современность рассматривается как более широкое понятие, нежели ранее [6, с. 166–169; 7, с. 23–24].

Наиболее последовательно специфика российской модернизации описана в работах В. Г. Федотовой. Она анализирует эту специфику, опираясь на собственную классификацию цивилизаций. Критерием выделения цивилизаций является тип развития, интегральное качество, которое включает источник развития, степень его органичности, механизм преобразований, характер и темпы развития, духовные предпосылки и образ идеального будущего. Применяя эти критерии, она выделяет западную, европейско-североамериканскую цивилизацию и ряд незападных цивилизаций «Другой Европы». Россия оказывается в их числе [7, с. 487–493].

Ключевым понятием, объясняющим судьбу и идентификацию России как незападного общества, является понятие «инновация». Традиционно и не без оснований Запад рассматривается в научной литературе как источник заимствований. Даже в тех исторических обстоятельствах, когда Россия сама выступала как центр радиации инноваций, Запад оставался для нее «вызовом», побуждающим внедрять нововведения на мобилизационной основе. Это, по мнению Федотовой, позволяет охарактеризовать российскую модернизацию как неорганическую, догоняющую и неравномерную.

Невысокий темп изменений обусловлен определенной идеализацией Европы и Северной Америки. Российские элиты зачастую рассматривают свою страну не как отдельную цивилизацию, а как отсталую Европу. Отсюда исходят причины ложного образа будущего, который заключается в наивной вере в возможность превращения своей страны в западное общество. Поскольку современность является ускользающим феноменом, элиты «Другой Европы» по факту копируют образ «вчерашнего дня» [7, с. 225–226]. Результатом догоняющей модернизации оказывается, по мнению Ламажаа, фрагментация общества на традиционный, современный и разрушенный секторы, последний из которых тяготеет к архаике [6, с. 25].

Таким образом, и в этих дискуссиях мы видим, что ключевым моментом интерпретации процесса социокультурного развития остается вопрос об обратимости прогресса и воспроизводимости определенных, в том числе традиционных и архаических, характеристик развития на тех или иных конкретно-исторических этапах. Это еще раз побуждает обратиться к логике инверсионных механизмов развития, не умаляя при этом значения социальных изменений.

Почему воспроизводство (инверсия) устойчивых форм социокультурной динамики России сопровождается процессом социальных изменений? Как социокультурная инверсия и социальные изменения взаимно влияют друг на друга в процессе социокультурной трансформации общества? Исследования динамики развития конкретных обществ обнаруживают недостаточность анализа одних только внутренних факторов для объяснения процессов модернизации. Комплексность исследования требует оценки влияния внешних по отношению к конкретным странам и народам социокультурных факторов. На роль такого инструмента в последнее время все активнее претендует миросистемный подход. На основе классового подхода К. Маркса и Ф. Энгельса, представители данного подхода исследуют отношения между государствами и цивилизациями в категориях зависимости и эксплуатации. В этой связи определенным интересом вызывают исследования Н. С. Розова и А. А. Изгарской, направленные на выявление причины воспроизводства устойчивых форм социокультурной динамики [8; 9].

Макросоциологическое исследование Н. С. Розова «Колея и перевал: Макросоциологические основания стратегий России в XXI веке» посвящено трудностям преодоления циклического развития страны. Метафора «колеи» схватывает суть циклической повторяемости исторического развития, тогда как метафора «перевала» дает надежду на ее преодоление. Автор синтезирует отечественную концепцию «русской власти» с западными макросоциологическими теориями для того, чтобы показать высокую цену, заплаченную обществом за геополитический успех государства. Н. С. Розов обращает внимание на два фундаментальных момента, обуславливающих цикличность российской истории. Первый из них заключается в признании высоких издержек, которые вынуждены платить россияне за повышение геополитического престижа государства в виде сокращения сферы личных и политических свобод. Второй же заключается в ресурсной зависимости России от Запада, препятствующей повышению полупериферийного статуса России до уровня стран Запада [8, с. 236–272].

В исследовании А. А. Изгарской «Пространство социальных отношений в геополитическом и миросистемном измерениях: внешние и внутренние факторы динамики современной России» мотив «ресурсного проклятия» усилен метафорой «плота “Медузы”» с полотна Т. Жерико, канаты которого автор уподобляет сетям неравного обмена. По ее мнению, отношения неравного обмена, сложившиеся между Россией и западными странами, подвигают ее на преодоление внешней зависимости и формирование сильного государства, способного активизировать общество. Такую геополитическую стратегию А. А. Изгарская называет стратегией борьбы против эксплуатации. Она имеет существенные издержки, главная из которых заключается в изоляции от внешнего мира. Другая стратегия, стра-

тегия «встраивания» в существующий мировой порядок, связывает Россию сетями неравного обмена. Однако эта стратегия открывает возможность для притока инвестиций и для инновационной подпитки, способствующей развитию узкоспециализированных технологических областей. Данная стратегия характеризуется как стратегия борьбы против исключения. Россия как страна полупериферии может использовать обе из доступных ей стратегий модернизации. Однако перспективы повышения ее геополитического статуса до статуса стран ядра при любом раскладе представляются иллюзорными. Это означает, что в ближайшей перспективе альтернативы инверсионному движению нет [9, с. 183–206].

Исследования Н. С. Розова и А. А. Изгарской позволяют внести дополнительное уточнение в существующие теоретические представления о России как незападном обществе, которые касаются ее отношений со странами Запада, или, иначе говоря, со странами так называемого ядра мировой капиталистической суперсистемы, в аспекте вестернизации как одного из значимых векторов модернизации России.

Современные версии теории модернизации содержат допущение о множественности путей перехода к модерну. Это позволяет провести разграничение между модернизацией и вестернизацией. В свою очередь, данное разграничение дает возможность охарактеризовать вестернизацию, элементом которой является, например, мононациональная модель государственного строительства (один народ – одно государство – одна культура) как одну из сторон модернизации. Наряду с вестернизацией модернизация содержит также и другую сторону, которая заключается в апробации собственных моделей внедрения инноваций.

Такая перспектива позволяет проанализировать инверсионный механизм воспроизводства устойчивых форм этносоциального и этнокультурного развития с использованием элементов социокультурного подхода, например, выделить исторические циклы, каждый из которых отражает ориентации российской элиты либо на внедрение западных моделей управления этническим многообразием, либо на апробацию западных моделей, в числе которых отчетливо выделяются стихийная донациональная (восточнославянская) и мультинациональные модели: имперская (с элементами евразийской степной политики) и советская модели [10; 11].

В коллективной монографии новосибирских этносоциологов «Социокультурный подход к регулированию межэтнических взаимодействий» Е. А. Ерохина, апробируя социокультурный подход к динамике государственного регулирования межэтнических взаимодействий в России, связала чередование унификации и интеграции (без гомогенизации) со сменой вестернизационной и контрвестернизационной доминант процесса модер-

низации. Каждый из исторических периодов (1700–1861, 1861–1933, 1933–1991) открывается активным внедрением западных моделей в практики российского управления, развивается в русле адаптации западных заимствований к отечественному социокультурному контексту и завершается апробацией собственных моделей национальной политики. Каждый период содержит два и более циклов, внутри которых устойчиво воспроизводятся маятниковые колебания роста и затухания активности недоминантных и доминирующих сообществ, умножения и стабилизации этнического многообразия, усиления неравенства и выравнивания состязательных возможностей этносов [12, с. 72–106].

Коллективная монография «Социокультурный подход к регулированию межэтнических взаимодействий» также заслуживает внимания с точки зрения новизны применения социокультурного подхода к регулированию межэтнических взаимодействий. На ее страницах М. А. Абрамовой, В. Г. Костюком, Ю. В. Попковым и другими представителями новосибирской школы этносоциологии дается авторский взгляд на триаду П. А. Сорокина «личность, культура, общество». В силу этого обстоятельства три единицы анализа, а именно, персональная и социальная идентичность индивидуальных и коллективных субъектов, модели управления обществом, ценности культуры на уровне семьи и школы были подвергнуты комплексному исследованию. Данный принцип отражает еще одну важную методологическую установку социокультурного подхода, установку на системное исследование всех сфер этнического [13, с. 12–24].

Следование данной установке позволило сформулировать концептуальные основания теории социокультурного неотрадиционализма. Ее автор, С. А. Мадюкова, показала на примере обрядов жизненного цикла как повышение степени рефлексивности способствует изменению механизмов воспроизводства этничности и системы межэтнических взаимодействий [14, с. 220–241].

Таким образом, можно выделить три методологических принципа социокультурного подхода, которые отличают его от других подходов при использовании в этносоциальных исследованиях: во-первых, это интеграция трех измерений человеческого бытия, во-вторых, выявление устойчивых и изменчивых форм социокультурной динамики, в-третьих, установка на исследование всех сфер этнического.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Лапин Н. И.** Модернизация в мире, ее состояние в регионах России // Проблемы модернизации в социокультурных портретах регионов России: VIII Всероссийская науч.-практ. конф. по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов». – Уфа : Гилем, 2012. – С. 6–13.

2. **Люцидарская А. А.** От «иноземцев» к «инородцам» (один из аспектов колонизации Сибири) // *Аборигены Сибири: Проблемы изучения исчезающих языков и культур: тезисы междунар. науч. конф.* – Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии, 1995. – Т. II. – С. 165–169.
3. **Сорокин П. А.** Человек. Цивилизация. Общество. – М. : Политиздат, 1992. – 543 с.
4. **Ахиезер А. С.** Россия: некоторые проблемы социокультурной динамики // *Мир России.* – 1995. – № 1. – С. 3–57.
5. **Стёпин В. С.** Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция. – М. : Прогресс-Традиция, 2000. – 744 с.
6. **Ламажаа Ч. К.** Тува между прошлым и будущим. – СПб. : Алейтейя, 2011. – 368 с.
7. **Федотова В. Г.** Хорошее общество. – М. : Прогресс-Традиция, 2005. – 544 с.
8. **Розов Н. С.** Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке. – М. : РОССПЭН, 2011. – 735 с.
9. **Изгарская А. А.** Пространство социальных отношений в геополитическом и миросистемном измерениях: внешние и внутренние факторы динамики современной России. – Новосибирск : Изд-во ФГБОУ ВПО НГПУ, 2012. – 250 с.
10. **Ерохина Е. А.** Сибирский вектор внутренней геополитики России. – Новосибирск : РИЦ НГУ, 2012. – 418 с.
11. **Ерохина Е. А.** Этническое многообразие в цивилизационном и геополитическом пространстве России. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2014. – 240 с.
12. **Ерохина Е. А.** Динамика государственного регулирования межэтнических взаимодействий в России // *Социокультурный подход к регулированию межэтнических взаимодействий.* – Новосибирск : Манускрипт, 2013. – С. 72–106.
13. **Костюк В. Г., Попков Ю. В., Абрамова М. А.** Содержание и принципы социокультурного подхода в социологии // *Социокультурный подход к регулированию межэтнических взаимодействий.* – Новосибирск : Манускрипт, 2013. – С. 12–23.
14. **Мадюкова С. А.** Возможности использования идей социокультурного неотрадиционализма в регулировании межэтнических взаимодействий // *Социокультурный подход к регулированию межэтнических взаимодействий.* – Новосибирск : Манускрипт, 2013. – С. 220–241.

REFERENCES

1. **Lapin N. I.** Modernization in the World, its Status in the Regions of Russia. – Problems of Modernization in Sociocultural Portraits of Russian Regions. VIII All-Russian Scientific and Practical Conference on the Program «The Sociocultural Evolution of Russia and its Regions». – Ufa, 2012. – Pp. 6–13.
2. **Lyutsidarskaya A. A.** From the Outlanders to the Native Siberians (One of the Aspects of the Colonization of Siberia). – *Siberian Aborigines: Problems of Studying Endangered Languages and Cultures: abstracts of scientific. conf.* – Novosibirsk, 1995. – V. II. – Pp. 165–169.
3. **Sorokin P. A.** Human being. Civilization. Society. – Moscow, 1992. – 543 p.
4. **Akhiezer A. S.** Russia: Some Problems of Socio-cultural Dynamics. – *The World of Russia.* – 1995. – No. 3. – Pp. 3–57.
5. **Stepin V. S.** Theoretical Knowledge. Structure, Historical Evolution. – Moscow, 2000. – 744 p.
6. **Lamazhaa Ch. K.** Tuva Between the Past and the Future. – Saint-Petersburg, 2011. – 368 p.
7. **Fedotova V. G.** Good Society. – Moscow, 2005. – 544 p.
8. **Rozov N. S.** The track and the Pass: Macrosociological Base Strategies of Russia in XXI Century. – Moscow, 2011. – 735 p.
9. **Izgarskaya A. A.** Space of Social Relations in the Geopolitical and World-system Dimensions: Internal and External Factors Affecting the Dynamics of Modern Russia. – Novosibirsk, 2012. – 250 p.

10. **Erokhina E. A.** Siberian Vector of Russia Internal Geopolitics. Novosibirsk, 2012. – 418 p.
11. **Erokhina E. A.** Ethnic Diversity in the Civilizational and Geopolitical Space of Russia. – Novosibirsk, 2014. – 240 p.
12. **Erokhina E. A.** The Dynamics of State Regulation of Inter-ethnic Relationships in Russia. – Sociocultural Approach to Regulating Ethnic Interactions. – Novosibirsk, 2013. – Pp. 72–106.
13. **Kostyuk V. G., Popkov Yu. V., Abramova M. A.** The Content and Principles of the Sociocultural Approach in Sociology. Sociocultural Approach to Regulating Ethnic Interactions. – Novosibirsk, 2013. – Pp. 12–23.
14. **Madyukova S. A.** The Possibility of Using the Ideas of Sociocultural Neotraditionalism in the Regulation of Inter-ethnic Relationships. – Sociocultural Approach to Regulating Ethnic Interactions. – Novosibirsk, 2013. – Pp. 220–241.

BIBLIOGRAPHY

- Eisenstadt S. N.** Multiple Modernities. – Daedalus. – Winter 2000. – Vol. 29. – No. 1. – Pp. 3–29.
- Erokhina E. A.** Ethnic Diversity in the Civilizational and Geopolitical Space of Russia. – Novosibirsk, 2014. – 240 p.
- Erokhina E. A.** The Dynamics of State Regulation of Inter-ethnic Relationships in Russia. – Sociocultural Approach to Regulating Ethnic Interactions. – Novosibirsk, 2013. – Pp. 72–106.
- Fedotova V. G.** Good Society. – Moscow, 2005. – 544 p.
- Heisler M.** Ethnicity and ethnic relations in the modern West. – M. Heisler. – Conflict and peace making in multiethnic societies. – Massachusetts ; Toronto, 1990. – Pp. 21–52.
- Izgarskaya A. A.** Space of Social Relations in the Geopolitical and World-system Dimensions: Internal and External Factors Affecting the Dynamics of Modern Russia. – Novosibirsk, 2012. – 250 p.
- Lamazhaa Ch. K.** Tuva Between the Past and the Future. – St. Petersburg, 2011. – 368 p.
- Lyutsidarskaya A. A.** From the Outlanders to the Native Siberians (One of the Aspects of the Colonization of Siberia). – Siberian Aborigines: Problems of Studying Endangered Languages and Cultures: Abstracts between. scientific. conf.– Novosibirsk, 1995. – V. II. – Pp. 165–169.
- Madyukova S. A.** The Possibility of Using the Ideas of Sociocultural Neotraditionalism in the Regulation of Inter-ethnic Relationships. – Sociocultural Approach to Regulating Ethnic Interactions. – Novosibirsk, 2013. – Pp. 220–241.
- Mitrofanova A.** Le Nouveau Nationalisme en Russie. – Hérodote. – 2012. – Vol. 144. – No. 1. – Pp. 141–153.
- Nairn T.** Faces of Nationalism: Janus Revisited. – London ; New York : Verso, 1997. – 246 p.
- Roeder Ph.** Soviet Federalism and Ethnic Mobilization. – World Politics. – 1991. – Vol. 43. – No. 2. – Pp. 196–232.
- Rozov N. S.** The Track and The Pass: Macrosociological Base Strategies of Russia in XXI Century. – M., 2011. – 735 p.
- Smith A. D.** National Identity. – London ; New York, 1991. – 231 p.
- Sorokin P. A.** Human being. Civilization. Society. – Moscow, 1992. – 543 p.
- Stepin V. S.** Theoretical Knowledge. Structure, Historical Evolution. – M., 2000. – 744 p.
- Suny R.** The Revenge of the Past Nationalism, Revolution and the Collapse of the Soviet Union. – Stanford, 1993. – 224 p.
- Sztompka P.** The Sociology of Social Change. – Moscow, 1996. – 416 c.

Принята редакцией: 14.11.2014.